СЕРИЯ «МАЛЕНЬКИЕ ТАЙНЫ БОЛЬШОГО СЧАСТЬЯ»

МАРУСЯ ЕВИНА



КНИГА 3

ЛАВАНДОВЫЙ ДОМ НАД ОБРЫВОМ

Роман о свете старого маяка, аромате горной лаванды, исцелении сердца и нежности, которой не страшны штормa

18+

2026

Маруся Евина
Лавандовый дом над обрывом

https://litres.ru/74731592
SelfPub; 2026

Аннотация

Агата Моретти, талантливый реставратор старинных полотен из Флоренции, приезжает в уютный приморский городок Белла-Виста на Лигурийском побережье Италии, надеясь залечить душевные раны и обрести покой.

На старинной доске историй в кафе «Da Marta» она находит серебряный овальный медальон с засушенной горной лавандой и таинственной запиской, зовущей подняться по скалистой тропе к маяку Капо-делла-Луче. На вершине ветреного обрыва Агату встречает белый каменный дом под черепицей и его немногословный смотритель Якопо Риччи.

В полумраке старой мастерской хранится поврежденный морской солью портрет великой актрисы, скрывающий тайну полувековой любви. Взявшись за бережную реставрацию полотна вместе с художницей Верой Лавровой, Агата открывает для себя красоту диких лавандовых склонов, теплоту простых бесед

«Лавандовый дом над обрывом» — светлый, кинематографичный роман о радости нового утра

Третий роман вдохновляющего авторского цикла Маруси Евиной «Маленькие тайны большого счастья».

Содержание

Пролог. Серебряный медальон на маяке 4
Часть I. Там, где затихает внутренний критик 7
Глава 1. Чай с чабрецом в кафе «Da Marta» 8
Глава 2. Лестница к ветрам: искусство медленных шагов 15
Глава 3. Дом под белой черепицей: границы, оберегающие покой 24
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Маруся Евина
Лавандовый дом над обрывом

«Самые верные маяки зажигаются не на морских картах, а в человеческих душах. Иногда нужно пройти сквозь густой туман и подняться на самый крутой обрыв, чтобы встретить рассвет рядом с тем, кто бережно согреет твои руки».

Пролог. Серебряный медальон на маяке

ill_00_prologue.jpg

Рассвет над Лигурийским морем занимался медленно, окрашивая тяжелые гребни волн в пепельно-розовые и холодные сиреневые тона.

Сентябрьский ветер тянул с открытой воды терпкой свежестью соли, йода и остывающего за ночь камня. Городок Белла-Виста еще спал, укрывшись в уютной лощине между скалистыми отрогами. Узкие мощеные улочки тонули в предрассветных сумерках, и только на кухне пекарни синьора Тонино уже горел теплый оранжевый свет, да из вентиля-

ционной трубы струился густой дух подпеченной чиабатты с розмарином.

По пустынной набережной быстрыми, неслышными шагами шел высокий широкоплечий мужчина в темно-синей штормовке с поднятым воротником. Его смоляные волосы с легкой проседью на висках трепал порывистый бриз. Лицо с четко очерченными скулами хранило отпечаток глубокой усталости и того особого сосредоточенного спокойствия, которое рождается лишь у людей, привыкших годами в одиночку встречать морские шквалы.

Дойдя до площади Сан-Лоренцо, мужчина свернул к уютной террасе кафе «Da Marta».

Под широким льняным маркизом царила тишина. Деревянные столики были аккуратно убраны, а у самых входных дверей темнела знаменитая на все побережье резная дубовая доска историй. Горожане и заезжие путешественники годами оставляли здесь свои записки, фотографии, старинные рецепты и ключи от человеческих судеб.

Мужчина замер перед доской. На мгновение его смуглые, загрубевшие от канатов и столярных инструментов пальцы дрогнули. Он опустил руку в глубокий карман куртки и извлек небольшой предмет, бережно завернутый в тонкую папиросную бумагу.

Когда бумага развернулась, в первых лучах солнца тускло блеснуло потемневшее от морской соли старинное серебро.

Это был массивный овальный медальон тонкой филигран-

ной работы, подвешенный на выцветшей фиолетовой шелковой ленте. Сквозь полуоткрытую створку выглядывала сухая веточка дикой горной лаванды. Ее тонкий, пряный аромат мгновенно перебил запах водорослей, наполнив воздух щемящим воспоминанием о жарком полуденном солнце и каменистых склонах мыса Капо-делла-Луче.

К ленте латунной булавкой крепился плотный листок бумаги с неровно оборванным краем. Несколько строк были выведены густыми фиолетовыми чернилами:

« «Тому, кто не боится смотреть в бурю. На старом маяке над обрывом время остановилось в тот день, когда она ушла. Если в вашем сердце осталась смелость вернуть свет туда, где полвека царила тьма — поднимитесь по тропе к лавандовому дому…»»

Мужчина аккуратно закрепил булавку на зеленом сукне доски историй. Серебряный овал тихо качнулся на ветру, поймав первый луч восходящего солнца.

Он постоял еще несколько секунд, глядя на мерцающий металл сухими, темными глазами, в которых плескалась давняя затаенная боль. Затем глубоко вздохнул, надвинул капюшон и зашагал прочь — вверх по крутой тропе, ведущей к глухим белым утесам, туда, где на краю обрыва одиноко высилась громада старого маяка.

Часть I. Там, где затихает внутренний критик

Глава 1. Чай с чабрецом в кафе «Da Marta»

« «Иногда самым верным решением становится шаг в неизвестность. Когда привычный мир рассыпается на мелкие осколки, нужно просто сесть на утренний поезд к морю, вдохнуть соленый ветер и позволить тишине затянуть старые раны».»

ill_01_chapter1.jpg

Старенький региональный поезд из Генуи с протяжным скрипом затормозил у невысокой платформы станции Белла-Виста.

Шипящие пневматические двери распахнулись, впустив в душный вагон волну прохладного, напоенного йодом и сосновой смолой воздуха. Агата Моретти сделала глубокий вдох, ощущая, как свинцовая тяжесть, давившая на плечи последние три месяца, чуть отступила.

Она спустилась на нагретый солнцем гравий, бережно сжимая в правой руке ручку старинного саквояжа из темно-вишневой кожи, а в левой — продолговатый деревянный ящик с латунными уголками. В этом ящике, переложенные слоями мягкого фетра, покоились ее главные сокровища: тончайшие колонковые кисти, японские шпатели из костяного дерева, микроскопические скальпели и стеклянные

пузырьки с натуральным осетровым клеем и даммарным лаком. Все то, с помощью чего она годами возвращала к жизни старинные холсты в полумраке флорентийских реставрационных мастерских.

Поезд свистнул и тронулся дальше, уносясь в черный зев тоннеля вдоль побережья. Агата осталась одна на крошечном перроне, залитом ослепительным утренним светом.

Ей было тридцать два года. В ее мягких каштановых волосах, собранных на затылке черепаховым гребнем, золотом играли солнечные блики, а в глубоких серых глазах затаилась усталость женщины, пережившей крушение собственных надежд. Три недели назад она захлопнула дверь престижной галереи на набережной Арно, вернула кольцо с безупречным бриллиантом человеку, измерявшему любовь суммами комиссионных на аукционах, и купила билет в один конец на Лигурийскую Ривьеру.

«Поезжай в Белла-Виста, девочка моя, — сказал ей тогда дядя, куратор Лоренцо Моретти, бережно пожимая ее озябшие пальцы. — Там другое небо. Там даже время течет иначе — словно прозрачное оливковое масло из глиняного кувшина. Если где-то и можно вспомнить, кто ты есть на самом деле, то только у этих волн».

Дорога от станции вилась среди каменных подпорных стен, густо увитых цветущей глицинией и розовым плющом. Воздух звенел от стрекота цикад. Где-то вверху перекликались ласточки, а из приоткрытых окон домов доносились

звон фарфоровых чашек и негромкие голоса утренних бесед.

Спустившись по широким пологим ступеням, Агата вышла на круглую площадь Сан-Лоренцо.

В центре площади тихо журчал каменный фонтан с морскими коньками, а напротив высился фасад старинного здания с полосатыми бело-вишневыми маркизами. Над резной дверью красовалась вывеска из кованого железа: *«Кафе Da Marta»*.

Колокольчик над входом отозвался чистым серебряным звоном.

Внутри кафе царил благословенный полумрак, наполненный ароматами свежемолотой арабики, карамелизированных орехов и теплой сдобной выпечки. За полированной деревянной стойкой хлопотала статная женщина с седеющими пышными волосами и ясным, молодым взглядом.

— Буонджорно, синьорина! — широко улыбнулась хозяйка, отставляя блестящий хромированный холдер кофемашины. — Входите, входите скорее! Сентябрьское утро обманчиво свежо. Я Марта. Садитесь к окну, там как раз прогрелся подоконник.

— Здравствуйте, синьора Марта, — Агата смущенно улыбнулась в ответ, аккуратно опустив тяжелый деревянный ящик на светлые плиты пола. — Мне советовали ваше кафе еще во Флоренции. Дядя Лоренцо просил передать вам нижайший поклон.

Глаза Марты вспыхнули радостным узнаванием:

— Лоренцо! Дорогой синьор Моретти! Так вы Агата? Наша знаменитая гостья-реставратор? Лоренцо писал мне на прошлой неделе! Вера, Лука, поглядите, кто к нам приехал!

Из дальнего угла зала, где за круглым столиком у распахнутого арочного окна пили кофе двое, поднялась стройная женщина с короткими светлыми волосами и удивительно теплыми, внимательными глазами. Рядом с ней стоял высокий темноволосый мужчина с архитектурным планшетом в руках.

— Добро пожаловать в Белла-Виста, Агата, — Вера Лаврова подошла ближе, и в ее голосе прозвучало столько искренней, неподдельной душевности, что Агата невольно перевела дух. — Лоренцо столько рассказывал о вашем таланте. Он говорил, что ваши руки способны услышать дыхание красок сквозь три столетия. Это Лука, мой жених. Мы как раз обсуждали чертежи новой мастерской на набережной.

Лука с улыбкой пожал руку Агаты:

— Очень рады вам. Наш городок умеет хранить тишину, когда человеку нужно побыть наедине с собой. Располагайтесь, чувствуйте себя дома.

Через пять минут перед Агатой стоял большой пузатый чайник из белой керамики, расписанный синими цветами. Пар, поднимавшийся над носиком, пах сухим горным чабрецом, дикой мятой и тонкой цедрой лимона. Рядом на тарелочке лежали два ломтя теплого пирога со спелыми синими сливами, присыпанными тростниковым сахаром и корицей.

— Пейте, милая, — Марта заботливо придвинула к ней чашку. — В этом чае травы, которые собирают на наших холмах перед самым рассветом. Они вымывают из груди любую городскую суету.

Горячий терпкий настой отозвался в теле мягким, умиротворяющим теплом. Агата сидела у окна, слушая тихий разговор Веры и Луки, мерное воркование горлиц на карнизе и далекий, ритмичный шепот прибоя. Впервые за многие месяцы ее дыхание стало глубоким и ровным.

Когда чашка опустела, Агата поднялась, собираясь уточнить у Марты адрес маленькой гостиницы у гавани.

Она сделала шаг к выходу, и тут ее взгляд упал на стену возле резных дверей.

Там висела массивная доска из старого дуба, покрытая зеленым бильярдным сукном. На ней ровными рядами крепились бумажные записки, визитки местных ремесленников и несколько старых черно-белых снимков. Но в самом центре, притягивая утреннее солнце, покачивался странный предмет, словно сошедший со старинной картины.

Крупный овальный медальон из потемневшего, благородного серебра на выцветшей фиолетовой шелковой ленте.

Из-под створки выглядывала сухая веточка лаванды, а к ленте булавкой была приколота карточка из плотной акварельной бумаги ручного отлива.

Агата подошла ближе. Сердце внезапно пропустило удар. Как реставратор, она с первого взгляда оценила филигрань

оправы: тончайшая чеканка конца XIX века, флорентийская школа, мотив виноградной лозы и морской раковины.

Она вчиталась в строки, выведенные фиолетовыми чернилами:

« «Тому, кто не боится смотреть в бурю. На старом маяке над обрывом время остановилось в тот день, когда она ушла. Если в вашем сердце осталась смелость вернуть свет туда, где полвека царила тьма — поднимитесь по тропе к лавандовому дому…»»

Тонкий, щемящий аромат лаванды коснулся ее лица. Сквозь полупрозрачное слюдяное окошко медальона на нее смотрели лучистые, бесконечно печальные глаза женщины на старой миниатюрной фотографии.

— Увидели? — тихо раздался сзади мягкий голос Веры.

Агата обернулась. Вера стояла рядом, глядя на медальон с той особой светлой улыбкой, с какой смотрят на доброе знамение.

— Это появилось сегодня на рассвете, — продолжала Вера. — Наша доска историй обладает удивительным даром. Она никогда не ошибается в адресатах. Когда мне было тяжело, на ней висел медный ключ, который привел меня к моему счастью и живописи. А теперь... Похоже, эта веточка лаванды ждала именно вас, Агата.

— Но кто оставил это? — негромко спросила Агата, чувствуя, как внутри разливается необъяснимый трепет.

Марта, протиравшая медный кофейник у стойки, вздох-

нула и покачала головой:

— Кто оставил? Известно кто. Якопо. Смотритель старого маяка на мысе Капо-делла-Луче. Гордый, молчаливый медведь с золотыми руками и израненной душой. Он живет на самом краю скалы в белом доме, где растет лучшая горная лаванда на всем побережье. Его дед был великим художником, но после одной давней семейной драмы маяк погас, а мастерскую заперли на замок. Якопо никого не подпускает к своему обрыву... До сегодняшнего утра.

Агата снова перевела взгляд на серебряный овал. Засушенная лаванда казалась живой в лучах восходящего солнца.

Словно повинуясь непреодолимому внутреннему зову, она протянула руку и осторожно сняла булавку с зеленого сукна. Прохладный металл лег в ее ладонь, отдавая слабое солнечное тепло.

— Где начинается эта тропа, синьора Марта? — спросила Агата, и в ее голосе впервые за многие месяцы зазвучала твердая, радостная решимость.

Марта тепло улыбнулась и указала рукой в сторону высоких белых утесов, взмывающих над лазурным морем:

— Сразу за городской колокольней, деточка. Идите вдоль каменной стены наверх. И ничего не бойтесь: ветры на мысе дуют яростно, но они выдувают из сердца всякую печаль.

Глава 2. Лестница к ветрам: искусство медленных шагов

« «Подлинное мастерство начинается не с первого мазка на холсте, а со способности замедлить дыхание и услышать, как говорит мир вокруг. Когда мы перестаем торопить время, каждый шаг по крутому склону превращается в урок доверия собственной силе».»

ill_02_chapter2.jpg

Колокольня церкви Сан-Лоренцо пробила девять ударов. Густой бронзовый звон поплыл над черепичными крышами Белла-Виста, отразился от отвесных скал и растаял в прозрачной морской синеве.

Агата бережно прижала деревянный реставрационный ящик к груди. Прохладный серебряный медальон на шелковой фиолетовой ленте она убрала во внутренний карман льняного жакета, ближе к сердцу, чувствуя сквозь тонкую ткань его тихое, обнадеживающее тепло.

— Постойте, Агата! — звонкий, наполненный неподдельной радостью голос заставил ее обернуться у самых ступеней, ведущих за городскую аптеку.

По каменной дорожке, легко перешагивая через солнечные блики, шла Вера. В одной руке она держала плоский этюдник из светлого бука с кожаным ремнем, а в другой —

полотняную сумку с вышитой оливковой ветвью, из которой доносился умопомрачительный аромат свежей выпечки. Рядом неторопливо шагал Лука, бережно придерживая невесту за локоть.

— Вы ведь не станете возражать, если я пройду с вами хотя бы половину пути? — Вера улыбнулась с той обезоруживающей искренностью, которая моментально разрушает любую неловкость между едва знакомыми людьми. — Утро сегодня настолько хрустальное, что оставаться в четырех стенах — настоящее преступление против живописи. Я уже три дня пытаюсь поймать цвет морской пены у подножия мыса Капо-делла-Луче, но солнце здесь меняется каждые полчаса.

— Я буду только рада, — с облегчением выдохнула Агата, чувствуя, как отступает минутное напряжение перед дорогой в неизвестность. — Признаться, мысль о том, чтобы карабкаться на утес в полном одиночестве, немного пугала меня. В мастерских Флоренции самые высокие вершины — это стремянки возле пятиметровых алтарных образов.

Лука мягко рассмеялся, и в уголках его лучистых карих глаз собрались добрые морщинки:

— Тропа к старому маяку требует уважения, но бояться ее не стоит. Ей больше пятисот лет. Еще генуэзские дозорные выбивали эти ступени в известняке, чтобы вовремя замечать паруса сарацинских галер. Я бы с удовольствием поднялся с вами до самого верха, но меня ждут на верфи в соседней гавани: мы реставрируем старинный деревянный пирс. Ве-

ра знает здесь каждый поворот. А синьора Марта строго-настрого велела не выпускать вас без дорожного припаса.

Он бережно поцеловал Веру в висок, пожал руку Агате и зашагал вниз, в сторону набережной, насвистывая легкую итальянскую мелодию.

Две женщины двинулись по тропе, которая сразу за старой колокольней круто взмывала ввысь.

Каменная лестница петляла среди древних террас, сложенных из серого плитняка без капли цемента. Слева высилась отвесная белая скала, прогретая утренним солнцем, а справа обрывался крутой склон, густо поросший раскидистыми пиниями с зонтичными кронами, серебристыми оливковыми деревьями и колючим диким дроком.

Воздух здесь разительно отличался от влажной прохлады городской площади. Он был густым, плотным, напоенным расплавленной сосновой смолой, терпким ароматом цветущего мирта и сухим духом каменистой земли.

— Знаете, Агата, — негромко заговорила Вера, пока они размеренно поднимались ступень за ступенью, — когда я только приехала в этот городок, уставшая от прежней суетной жизни в мегаполисе, мне казалось, что я разучилась чувствовать. В издательстве я годами редактировала чужие тексты, выверяла чужие сюжеты, жила чужими мыслями. А внутри была пустота. И самое страшное — страх чистого листа.

Агата понимающе кивнула, аккуратно переставляя ноги

по щербатым ступеням:

— Этот страх знаком каждому, кто соприкасается с искусством. Во Флоренции я видела десятки одаренных художников, которые так и не написали ни одной собственной картины, потому что внутренний критик шептал им: «Ты недостаточно хорош. Все великое уже создано Тицианом и Боттичелли, зачем утруждать мир своим несовершенством?»

— Именно так! — подхватила Вера, и ее щеки слегка порозовели от подъема. — Я держала в руках тюбик с ультрамарином и буквально замирала от ужаса. Мне казалось, что без диплома классической академии художеств я не имею права даже смешивать краски. Пока однажды синьора Марта не налила мне своего волшебного чая и не сказала простую вещь: «Холст — это не экзаменационный билет, Верочка. Это зеркало твоей благодарности утру. Рисуй так, словно рассказываешь сказку любимому человеку».

Они вышли на широкую смотровую площадку — каменный выступ, нависающий над бирюзовой бездной залива Гольфо-Парадизо. Внизу, разбиваясь о прибрежные валуны, мерно дышало море, рассыпая тысячи сверкающих брызг. Вдали виднелись крошечные, словно игрушечные, белые паруса рыбацких фелюг.

— Давайте сделаем привал, — предложила Вера, опускаясь на гладкую каменную скамью, укрытую тенью старой раскидистой пинии. — Синьора Марта положила нам то, без чего ни один лигуриец не начинает день.

Она развернула плотную коричневую бумагу. Внутри лежала еще теплая, золотистая фокачча с хрустящими подпеченными краешками. Лепешка была щедро сдобрена крупными кристаллами морской соли, иголочками свежего розмарина и благоухала молодым оливковым маслом первого холодного отжима из оливок сорта таджаска.

— Попробуйте, — улыбнулась Вера, отламывая пышный, пористый ломоть и протягивая его Агате. — Секрет этой фокаччи в том, что Марта дает тесту подняться трижды, каждый раз смазывая его смесью родниковой воды и оливкового масла. Хлеб получается невесомым, как морская пена.

Агата откусила хрустящий кусочек. Вкус был изумительным: нежное, тающее во рту тесто, солоноватый акцент кристаллов соли и смолистая, свежая нота розмарина, пробуждающая каждую клеточку тела. Усталость от подъема растворилась мгновенно, сменившись удивительной легкостью.

Пока они наслаждались простой и честной трапезой, запивая фокаччу ледяной водой из стеклянной фляжки Веры, художница открыла свой деревянный этюдник.

На белом листе плотной зернистой бумаги лежала пастель. Тонкие, чуткие пальцы Веры уверенно выбрали мелок нежного сиренево-серого тона. Несколькими быстрыми, свободными движениями она наметила линию скалистого обрыва, затем добавила сочный охристый штрих там, где камень прогревался солнцем, и мягкую бирюзовую тень у подножия утеса.

Агата, затаив дыхание, наблюдала за рождением наброска. Как реставратор, знающий химию пигментов и законы оптики старых мастеров, она сразу заметила редкий дар Веры: удивительно точное чувство световоздушной среды.

— У вас поразительное восприятие света, Вера, — тихо произнесла Агата, указывая тонким пальцем на границу между охрой и синевой. — Посмотрите: морская вода отбрасывает снизу рефлекс, окрашивая тени на скале не в серый, а в глубокий теплый ультрамарин с добавлением умбры. Если вы положите туда едва заметный мазок прозрачной жженой сиены, камень на рисунке буквально задышит жаром полудня.

Вера прищурилась, вглядываясь в склон, затем коснулась бумаги теплым коричневатым мелком. Рисунок словно ожил: скала на листе обрела плотность, вес и сияние.

— Боже мой, Агата... — выдохнула Вера, глядя на набросок широко распахнутыми глазами. — Это невероятно. Вы видите цвет словно изнутри материи!

— Реставрация учит скромности перед мастерством природы, — улыбнулась Агата, стряхивая с коленей крошки фокаччи. — Когда расчищаешь темперу пятнадцатого века, понимаешь: старые флорентийцы не изобретали ничего лишнего. Они просто растирали минералы — лазурит, киноварь, малахит — на чистом ореховом масле или яичном желтке и позволяли солнцу делать остальную работу. В ваших работах есть та же чистота взгляда. Вам непременно нужно пи-

сать маслом на больших льняных холстах.

— Я мечтаю об этом, — призналась Вера, бережно закрывая этюдник. — Но для больших форматов нужна особая мастерская. Светлая, просторная, где можно дышать морем и не бояться испачкать краской пол. Лука все время говорит, что архитектура и живопись должны дополнять друг друга. Иногда мне грезится пространство, где могли бы собираться художники со всего мира. Где можно выставлять свои картины и вместе с тем учить других женщин верить в свой талант, возвращать им вкус к жизни через цвет и форму... Знаете, такая школа искусств над самым прибоем.

Она смущенно замолчала, словно испугавшись собственной смелости.

— Это прекрасная мечта, — искренне сказала Агата, поднимаясь со скамьи. — И поверьте мне: мечты, рожденные над этим морем, имеют обыкновение сбываться. Главное — не торопить рассвет и делать свой шаг каждый день.

Они продолжили подъем. Чем выше поднималась тропа, тем явственнее в воздухе звучал новый, ни с чем не сравнимый аромат.

Это был запах лаванды. Но не той сладковатой, приторной лаванды с равнинных ферм Прованса, а дикой горной лаванды Лигурийских Альп — острой, пряной, смолистой, с легким горьковатым оттенком полыни и морской соли.

Тропа огибала последний скалистый выступ, сложенный из белого пористого туфа.

И вдруг пространство распахнулось.

Перед ними открылось высокое каменистое плато, обрывающееся в лазурное море головокружительным отвесным утесом. На самых крутых склонах ровными террасами, поддерживаемыми старинной каменной кладкой, раскинулись серебристо-сиреневые кусты цветущей лаванды. Они колыхались под порывами свежего бриза, словно живое фиолетовое море, перекликающееся с морскими волнами далеко внизу.

На самом краю обрыва, гордо встречая все ветры побережья, стоял старый белый дом под черепичной крышей цвета выгоревшей терракоты. Его стены из дикого камня были выбелены известкой, а темно-зеленые деревянные ставни распахнуты навстречу утреннему солнцу.

А чуть дальше, на самой высокой точке мыса, взмывала в небо массивная круглая башня старинного маяка Капо-делла-Луче. Ее остекленный фонарный купол вспыхивал золотыми искрами в лучах полуденного солнца, а на вершине шпиля мерно покачивался медный флюгер в форме дельфина.

На широкой каменной террасе перед домом стоял верстак из темного дуба.

Возле него, склонившись над деревянной рамой и счищая тонкую стружку ручным рубанком, работал высокий широкоплечий мужчина в расстегнутой на груди полотняной рубахе. Его руки двигались уверенно, мощно и вместе с тем

удивительно бережно.

У ног мастера лежал крупный черный пес породы кане-корсо с мощной лобастой головой и короткой, лоснящейся на солнце смоляной шерстью. Услышав шаги по гравию, пес поднял уши, лениво шевельнул хвостом и издал негромкий, приветливый горловой звук.

Мужчина отложил рубанок, выпрямился и медленно повернулся к тропе.

Агата замерла на краю плато. Ветер взметнул пряди ее каштановых волос, сердце в груди гулко стукнуло, а пальцы в кармане жакета невольно сжали серебряный медальон.

Это был тот самый человек, чьи глаза смотрели на нее сквозь штормовой рассвет в Прологе. Смотритель маяка Якопо Риччи.

Глава 3. Дом под белой черепицей: границы, оберегающие покой

« «Мужская сдержанность редко бывает признаком черствости. Чаще всего за молчаливой замкнутостью скрывается сердце, однажды пережившее слишком сильную бурю и научившееся выстраивать тишину как защитный вал».»

ill_03_chapter3.jpg

Черный кане-корсо первым поднялся навстречу гостьям. Он не залаял, лишь негромко фыркнул, подошел неторопливой мягкой походкой и уткнулся мокрым носом в ладонь Агаты, словно оценивая чистоту ее намерений.

— Спокойно, Бруно, — низкий, грудной голос хозяина прозвучал негромко, но пес мгновенно повиновался и уселся у края террасы, положив тяжелую лобастую голову на передние лапы.

Якопо Риччи вытер ладони о полотняный фартук, повязаный поверх джинсов, и медленно повернулся к женщинам.

Вблизи он казался еще выше, чем на пустынной набережной в предрассветных сумерках. В его темных глазах, обрамленных лучиками глубоких морщин от привычки вглядываться в слепящие морские дали, читалась смесь настороженности и сдержанного достоинства. Прямой нос с легкой горбинкой, четко очерченные скулы, тронутая солью щетина

и пряди смоляных волос, упрямо падающие на лоб. От него пахло свежей кедровой стружкой, горным тимьяном и морским ветром.

— Добрый день, — Якопо слегка наклонил голову, и его взгляд задержался на деревянном реставрационном ящике в руках Агаты. — Редко кто поднимается на Капо-делла-Луче до полудня. Добро пожаловать, синьора Вера.

— Здравствуйте, Якопо, — мягко отозвалась Вера, подходя ближе. — Мы пришли не с пустыми руками. Позвольте представить вам синьорину Агату Моретти. Она приехала к нам из Флоренции.

При упоминании Флоренции брови смотрителя едва заметно дрогнули. Он перевел взгляд на Агату, и в глубине его зрачков мелькнула затаенная тревога.

Агата сделала шаг вперед. Она не отвела глаз, встречая его испытующий взор спокойной и открытой улыбкой. Затем опустила руку в карман жакета и извлекла серебряный медальон на выцветшей фиолетовой шелковой ленте.

Тонкий сухой стебелек лаванды тихо качнулся на сквозняке.

Якопо замер. Мускулы на его смуглых скулах напряглись, а пальцы, привыкшие к грубой работе с корабельным канатом и стамеской, слегка дрогнули.

— Вы сняли его с доски Марты? — его голос стал тише, утратив прежнюю сухость.

— Да, — просто ответила Агата, протягивая реликвию

на раскрытой ладони. — Записка звала того, кто не боится смотреть в бурю. Я реставратор станковой темперной и масляной живописи. И если в этом доме есть холст, которому требуется возвращение к жизни, я готова предложить свои руки.

Якопо смотрел на потемневшее серебро несколько долгих секунд, словно не решаясь коснуться предмета, который сам оставил у входа в кафе три часа назад. Затем медленно, кончиками пальцев, принял медальон. На мгновение его теплая, огрубевшая кожа коснулась пальцев Агаты, и по ее руке пробежала легкая, мгновенная волна тепла.

— Спасибо, — выдохнул он, и в этом коротком слове прозвучало столько невысказанного облегчения, что у Агаты сжалось сердце. — Прошу вас, садитесь. Подъем по скалам отнимает много сил. Я сварю кофе.

Он указал на массивный круглый стол из выбеленного каштана, стоявший под навесом из виноградных лоз. Отсюда открывался головокружительный вид: белые отвесные утесы, лазурный простор до самого горизонта и мерный, убаюкивающий гул прибоя в сотне метров под ногами.

Якопо скрылся в доме и вернулся через несколько минут, неся на медном подносе большую винтажную гейзерную кофеварку и три глиняные чашки ручной работы, покрытые зеленоватой глазурью.

Воздух на террасе мгновенно наполнился густым, бархатистым духом темной обжарки.

— В наших краях в утренний кофе принято добавлять пару капель домашней лимонной настойки и щепотку сушеного аниса, — негромко пояснил Якопо, разливая дымящийся напиток. — Мой дед утверждал, что это прогоняет морскую сырость из легких лучше любого аптечного бальзама.

Агата сделала глоток. Кофе был крепким, плотным, с благородной шоколадной горчинкой, которую неожиданно мягко оттеняла свежая цитрусовая нота и едва уловимое сладковатое тепло аниса. Это было не похоже на торопливый эспрессо из флорентийских баров; в этом напитке чувствовалось уважение к неспешному течению времени.

Вера, обхватив чашку обеими ладонями, оглядывала каменную кладку дома и примыкающую к нему башню маяка.

— Якопо, Лука просил передать вам, что привезет новые чертежи дренажной системы для нижних лавандовых террас завтра к вечеру, — сказала Вера. — Но посмотрите на это восточное крыло... Какая чистота линий! Эти стрельчатые арочные окна выходят строго на север. Солнце не дает здесь прямых слепящих лучей на протяжении всего дня.

Глаза Веры засияли тем особенным воодушевлением, которое охватывает истинного художника при встрече с совершенным пространством.

— Лука рассказывал мне, что ваш дед устроил там мастерскую сразу после войны, — продолжала она. — Для работы с большими полотнами это идеальное место. Там живой, рассеянный морской свет. В таком пространстве карти-

ны рождаются сами собой.

Якопо медленно перевел взгляд на запертую массивную дубовую дверь восточного крыла, увитую диким виноградом.

— Дед действительно не терпел электрического освещения, — глухо произнес он. — Он говорил, что лампы обманывают глаз, заставляя художника врать самому себе. Мастерская заперта уже почти тридцать лет. После того как... после его ухода я ни разу не распахивал эти окна.

В его словах не было упрека, только тяжесть памяти, оберегающей давнюю утрату.

Агата поставила чашку на стол и мягко, бережно нарушила повисшую паузу:

— Картины не любят темноты, синьор Риччи. Масляные краски в запертых помещениях слепнут, лак желтеет и мутнеет без дневного света. Они словно люди: если их слишком долго держать в изоляции от мира, они забывают, ради чего были созданы.

Якопо пристально посмотрел на Агату. Его темные глаза встретились с ее чистым, серым взглядом, в котором не было праздного женского любопытства, а светилось глубокое профессиональное сострадание.

Он медленно опустил руку в карман фартука и вынул тяжелый, кованый латунный ключ с затейливой бородкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.